

0582

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Дженнифер Хейворд

ЭТО И ЕСТЬ ЛЮБОВЬ?

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Дженнифер Хейворд
Это и есть любовь?
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 582

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17829713

Хейворд Дженнифер Это и есть любовь?: роман: ЗАО Издательство

Центрполиграф; Москва; 2016

ISBN 978-5-227-06390-8

Аннотация

Знаменитая фотомодель Оливия Фицджеральд на пике славы бросает карьеру и бежит от прошлого. Приняв решение никогда больше не выходить на подиум, она переезжает из Нью-Йорка в Милан. Здесь Оливия хочет начать карьеру дизайнера. Неожданная встреча с главой дома моды Рокко Монделли обещает воплотить ее мечту в реальность. Но вскоре Оливия понимает, что новый знакомый знает о ней больше, чем ей бы хотелось...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дженнифер Хейворд

Это и есть любовь?

The Italian's Deal for I Do © 2015 by Harlequin Books
S. A.

«Это и есть любовь?»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО
«Издательство Центрполиграф», 2016

Глава 1

– Вряд ли он переживет эту ночь.

Старый седой священник почти полвека прослужил знаменитой семье Монделли в приозерной деревушке под названием Варенна. Он положил сухую, изъеденную морщинами кисть на резную дверную ручку. Затем кивнул двум молодым людям, приглашая их в спальню того, кто приходился им дедом.

– Попрощайтесь с ним. Скажите все, что хотели.

Казалось, в мрачном тоне его голоса сгустилась скорбь и печаль всей деревни. Эти слова резали душу Рокко Монделли острым ножом, лишая его способности хоть что-то ответить. Легенда итальянской моды – Джованни Монделли – когда-то заменил Рокко отца. Он был его путеводной звездой с тех пор, как передал ему бразды правления Домом моды Монделли. Благодаря дедушке Рокко с триумфом вывел семейный бизнес на мировой уровень.

Невероятно, что теперь Джованни Монделли отправлялся на небо.

Сердце Рокко на секунду замерло, затем снова забилось в груди тяжелым стаккато. Джованни был для него всем. Отцом, наставником, другом. Этого не может быть. Слишком рано.

Сестра Рокко, Алессандра, взяла брата за руку. Ее тонкие

пальцы вцепились в черную ткань его костюма.

– Не знаю, как это пережить, – тихо сказала она, убирая с лица яркие каштановые локоны. – Все слишком неожиданно.

Рокко боролся с желанием броситься на пол и закричать что есть сил. В возрасте семи лет он уже испытал это чувство, когда отец развеивал прах его матери над озером Комо. Тогда он впервые понял, как мало в жизни справедливости. Точнее сказать, ее нет совсем. Судьба подарила ему Алесандру, но взамен забрала любимую маму. Станный жизненный компромисс.

Он повернулся и обнял сестру. Сдерживать боль в себе становилось невозможно.

– Мы переживем это, потому что должны.

Слезы хлынули из глаз Алесандры, губы ее дрожали.

– Я не смогу, Рокко.

– Сможешь. – Он прижал ее к себе, уперся ей в лоб подбородком. – Соберись с силами. Скажи все, что хочешь сказать. Времени осталось мало.

Слезы Алесандры капали ему на рубашку. Так же как и Джованни, Рокко чувствовал своим долгом поддерживать семью в такие трудные минуты. Если бы не он, отец после смерти жены быстро бы спился или спустил все состояние на играх. Да, Рокко с детства привык поддерживать близких. Но сейчас было как-то особенно тяжело. Он чувствовал себя таким слабым, что легкий бриз с озера Комо, казалось, мог подхватить и унести его из семейного дома. И все же

поддаваться чувствам – особенно столь мрачным – было ему несвойственно.

Его взгляд скользнул на невысокого лысеющего доктора, стоящего подле священника.

– Он в сознании?

Доктор кивнул:

– Ступайте сейчас.

Сильная, всегда уверенная в себе Алессандра дрожала в руках брата. Рокко крепко держал ее за плечи, когда они входили в спальню Джованни. Говорят, в доме умирающего и воздух пропитан самой смертью. Если это и так, то Рокко не ощущал ничего подобного. Он чувствовал теплоту и жизненную силу Джованни Монделли, которую тот вкладывал в каждый свой эскиз. Рокко ощущал тонкий аромат страсти, с которой Джованни создавал новые коллекции одежды, рисовал модели, придумывал, творил.

Но, увы, то, что сейчас увидели глаза Рокко, рассеяло последнюю надежду. Вид некогда сильного старика, укутанного теперь белыми простынями, эта лишенная цвета кожа. И редкое, сбивчивое дыхание. Нет, это не мог быть Джованни.

– Сначала ты, – подтолкнул Рокко сестру, сглатывая подступивший к горлу комок.

Алессандра присела на широкую кровать, обвила деда худыми руками. Рокко видел, как к глазам Джованни подступили слезы. Не в силах этого вынести, он отвернулся, подошел к окну и всмотрелся в открывающийся из него вид.

Ослепительно блестящее озеро простиралось далеко вдаль за горизонт.

Едва узнав о положении дел, они с Алессандрой сели в вертолет и пролетели пятьдесят километров из головного офиса Дома Монделли в Милане. Упрямый дедушка весь день игнорировал боли в груди. И к моменту прибытия Рокко и Алессандры врачи были уже бессильны.

Губы Рокко дрогнули. Даже в другой мир дедушка ушел красиво – как раз накануне выхода своей блистательной осенней коллекции.

Совсем скоро Джованни встретится со своей женой Розой, покинувшей этот бренный мир еще двадцать лет назад. Тогда он решил, что будет жить полной жизнью. Что смерть жены не сломит его, не лишит желания двигаться вперед. Но все замечали, что какая-то часть Джованни Монделли умерла тогда вместе с его любимой супругой.

Когда Алессандра в слезах вышла из комнаты, к кровати подошел Рокко. Глядя в бледное лицо умирающего деда, он тихо произнес:

– Как же так, дедушка? Посмотри на Алессандру. Не разбивай ей сердце.

– Сандро сделал это задолго до меня, – собравшись с силами, ответил старик. Он имел в виду отца Рокко, в честь которого была названа Алессандра. Старик похлопал ладонью по кровати рядом с собой: – Присядь.

С трудом сглотнув, Рокко сел рядом с ним.

Дедушка положил худую, по-прежнему элегантную кисть на руку внука.

– Я люблю тебя, Рокко. Люблю как внука и как партнера. Ты достиг больших высот. Стал тем, кем я мечтал тебя видеть.

Комок в горле Рокко не дал возможности ответить. Темные полузакрытые глаза любимого дедушки пристально смотрели на него.

– Верь в себя, Рокко. И ты поймешь, почему я сделал то, что сделал.

Сердце Рокко ударило в грудь с невиданной силой.

– Джованни, твое время еще не пришло, не сдавайся. Ты нужен нам.

Старик приоткрыл глаза:

– Обещай, что позаботишься об Оливии.

Рокко невольно нахмурился:

– Об Оливии?

Старик зажмурился и открыл глаза лишь после долгой паузы. Его слабый кулак поднялся к сердцу Рокко и постучал ему в грудь. Внук обнял деда за плечи, прижал его к себе что было сил.

– Вернись! Не оставляй меня!

Но глаза Джованни уже не открылись.

Дух Дома моды Монделли, та искра, что пятьдесят лет разжигала огонь фантастическими коллекциями, – все погасло.

Рокко зарычал первобытным зверем и прижался лбом к закрытым глазам дедушки.

– Нет, – шептал он снова и снова.

Все случилось слишком быстро.

Похороны Джованни Монделли приобретали поистине национальный масштаб. Еще шире простирались оставленные им владения – недвижимость и бизнес прославленного дома моды были разбросаны по всему земному шару.

Алессандра помогала Рокко в организации похорон. На них обещала отметить вся Италия: простые люди, члены правительства, главы государства и знаменитости, которым Джованни шил изысканные наряды почти сорок пять лет подряд.

Конечно, будут и три друга Рокко – «Колумбийская четверка», как они называли себя со времен учебы в университете штата Колумбия. Кристиан Маркос, Стефано Бьянко и Зайед аль-Афзал. Рожденный в Афинах Кристиан – финансовый гений и непревзойденный мастер вести переговоры – одну половину жизни проводил в родной Греции, вторую – в Гонконге. Классический сицилиец Стефано Бьянко предпочитал зарабатывать миллионы на сделках с недвижимостью. Причем дела преимущественно вел из частного самолета, а не из офиса на Манхэттене. В силу горячего темперамента у Стефано часто возникали проблемы с законом, о которых потом писали в деловой прессе по всему миру. Дальше все-

го было лететь последнему из «Колумбийской четверки» – шейху Зайеду аль-Афзалу из маленькой страны Газбии, затерявшейся посреди арабской пустыни.

Заручившись компанией давнего семейного адвоката Адамо Донати, Рокко открыл завещание почившего дедушки. Несмотря на мрачность момента, он испытывал приятный трепет – совсем скоро он увидит тех, кого считал больше братьями, чем друзьями. Неразрывная, пусть и невидимая связь была между ними. Они понимали друг друга с полуслова, читали мысли друг друга. Рокко боялся, что Зайед не сможет присутствовать: его страну раздирали распри с соседним государством. СМИ трубили, что дело близится к войне. Но дорогой друг все же прилетел.

«Жить настоящим» – вот исконный лозунг «Колумбийской четверки». Помнить о том, что ты живой. Жить полной жизнью, рискуя по-крупному, всегда помня о мощной поддержке друзей.

– Приступим?

Голос адвоката прервал приятные воспоминания. Мудрый шестидесятипятилетний Адамо Донати был не только прекрасным адвокатом, он давно стал добрым другом семьи, а иногда и мозговым центром Дома Монделли. Синьор Донати вздернул подбородок и бросил на Рокко взгляд нетерпеливого ожидания.

Рокко утвердительно кивнул:

– Приступим.

Адамо опустил взгляд на стопку бумаг перед собой:

– Что касается собственности, Джованни поделил ее между тобой и Алессандрой. Уверен, это для тебя не секрет. Алессандре достанется дом в Сейнт-Бартсе и квартира в Париже. Тебе – вилла Монделли и квартира в Нью-Йорке.

Рокко понимающе кивнул. Алессандра – фотограф с мировым именем, путешествующая по всей планете в поисках новых снимков, – всегда шутила, что вилла Монделли для нее слишком громоздка.

Он взглянул на адвоката, подняв одну бровь:

– Что насчет отца?

– На его имя Джованни тоже оставил часть денег, но пожелал, чтобы ими распорядился ты.

Рокко давно оставил надежду, что отец сможет хоть чем-то распорядиться. Взрослый ребенок, не умеющий правильно потратить даже карманные деньги. Лишь во сне Рокко видел, как отец просит прощения за то, что когда-то проиграл в казино их семейный особняк. И за то, что передал их с сестрой Джованни, признав свою отцовскую несостоятельность.

Однажды, просядив последние деньги, он заявился на двадцать пятый день рождения Алесандры. Как всегда, абсолютно пьяный, он перепугал всех гостей.

Рокко жестом попросил Адамо продолжать.

Адвокат достал документ, лежавший одним из последних в стопке.

– Есть еще квартира в Милане, – добавил он. – Джованни

купил ее год назад. Но о ней в завещании нет ни слова.

– Квартира в Милане? – нахмурился Рокко. Его дедушка не особо жаловал большие города. Куда больше по душе ему была деревушка, откуда он летал в Дом Монделли на корпоративном вертолете.

Оливковая кожа Адамо приобрела рубиновый оттенок. Адвокат отвел взгляд в сторону, затем посмотрел Рокко прямо в глаза:

– Квартира оформлена на Джованни, но жила в ней женщина. Оливия Фицджеральд.

Рокко откашлялся.

– Оливия Фицджеральд? – повторил он, не веря своим ушам. – Фотомодель?

– Похоже на то. Мне пришлось немного покопаться во всем этом. Странно, но она мало где проходит под своим настоящим именем.

Рокко смотрел на Адамо так, словно тот доложил ему, что папа римский сменил веру. Оливия Фицджеральд, одна из самых знаменитых фотомоделей в мире, пять лет назад подписала контракт с их фирмой-конкурентом. С тех пор ее имя в компании Монделли стало сродни ругательству. А год назад Оливия будто исчезла с лица Земли. Выходит, желтая пресса тщетно выискивала ее во всех концах света, а она тем временем сменила имя и обосновалась в квартире, которую ей подарил Джованни.

Взгляды Рокко и Адамо встретились, словно оба в одну

секунду пришли к единственно возможному выводу.

– Они были любовниками, – озвучил догадку Рокко.

Из рубиновых щеки Адамо стали пунцовыми.

– По всему выходит, что да. Соседи говорят, он часто приезжал к ней в эту квартиру. Их видели вместе, они вместе гуляли, ужинали в дорогих ресторанах.

Рокко прижал ладони к вискам. Джованни, его семидесятилетний дедушка, имел любовницу, которой всего двадцать шесть? Одну из самых известных в мире фотомоделей? Светскую тусовщицу, которая тратила миллионы долларов, подписывая чеки, как автографы?

«Обещай, что позаботишься об Оливии», – пронеслись в голове Рокко последние слова старика.

Господи, вот в чем дело. Кровь прилила к его голове, пульс забился в висках. Джованни опасался, что, когда он умрет, его молодую пассию попросту выгонят из шикарной квартиры.

Рокко снова поднял взгляд на адвоката:

– Дай мне все, что у тебя на нее есть. Оливию Фицджеральд я возьму на себя.

Адамо кивнул, провел ладонью по лысеющей голове и одарил Рокко столь нехарактерным для себя, полным сомнения взглядом.

Рокко поднял одну бровь:

– Адамо, не говори, что она не единственная любовница. Легкая усмешка скользнула по губам адвоката.

– О других пока неизвестно.

– Тогда что? Прошу, Адамо, не томи.

Губы Адамо легли в ровную линию.

– Твой дед оставил тебе лишь пятьдесят процентов акций компании, Рокко. Остальные десять процентов контрольного пакета он завещал Ренцо Риалто.

Рокко усиленно заморгал. Попытался сглотнуть – не получилось. Джованни не оставил ему контрольный пакет? До смерти дедушки шестьдесят процентов акций компании принадлежали семье Монделли. Оставшиеся сорок были собственностью внешних акционеров. Зачем было лишать Рокко полной власти над семейным бизнесом? С какой целью Джованни передал десять решающих процентов Ренцо Риалто – председателю совета директоров и давнему сопернику Рокко?

Адамо легко прочитал смятение в его глазах. Оно было слишком понятно.

– Он не хотел, чтобы власть испортила тебя, Рокко. Джованни всегда стоял у тебя за спиной. После его смерти ты заручишься поддержкой коллег. Окрепнешь, как следует встанешь на ноги. И со временем они сами отдадут тебе недостающий процент акций.

«Окрепнешь»?

Рокко переполнял пламенный гнев. Злоба, точившая его изнутри со дня смерти Джованни, стремительно набирала силу.

– Я вывел компанию на такую высоту, которая не снилась никому из них! – выпалил он. – Из процветающей я сделал ее фантастически успешной. Адамо, если ты не заметил, то я давно окреп. Компания нужна мне целиком, по-другому и быть не может.

Адвокат поднял ладонь, призывая его успокоиться.

– Вспомни свою историю в компании, Рокко. Однажды ты уже не послушал рекомендаций совета директоров...

– Ошибочных рекомендаций! – перебил Рокко. – Они были готовы смотреть, как Дом Монделли почивает на лаврах былой славы, в то время как я настаивал на движении вперед.

– Согласен, – кивнул адвокат. – Но не всех это устраивало. В правлении компании много консерваторов. Ими движет ностальгия по временам, когда компания только становилась великой. Чтобы добиться своего, тебе нужно проявить тактичность.

Рокко отказывался верить в реальность происходящего. «Тактичность»? Единственный метод воздействия на совет директоров – это бить их по головам крепкой дубиной, чтобы они окончательно не свихнулись от чувства собственной важности.

Адамо знал, какие мысли роились в голове Рокко.

– Посмотри со стороны на свою личную жизнь, – продолжил он после недолгой паузы. – Твои партнеры по бизнесу не видят в тебе надежного руководителя Дома Монделли.

Рокко откинул голову на спинку кресла.

– Прощу тебя, Адамо, не начинай.

– Я понимаю, ситуация была достаточно деликатной.

– Они чуть не кастрировали меня за интрижку, о которой я и сам не знал! – не унимался Рокко.

– Интрижку с женой судьи. И не забывай про ребенка.

– Ребенок не мой! – вспылил Рокко. – Тест на ДНК это подтвердил.

– Но подтвердил уже после того, как политические проблемы накрыли Дом Монделли с головой. По причине все той же интрижки. – Взгляд адвоката сделался внезапно суровым. – Ты так и не понял, что не один играешь на этой площадке. А играешь ты быстро и слишком беспечно. Совет директоров этого не одобряет. В данный момент партнеры обеспокоены, что с тобой будет без патронажа Джованни.

Рокко посмотрел адвокату прямо в глаза. Сдерживать горячий итальянский темперамент было почти невозможно.

– В Доме Монделли я главный, – процедил он сквозь стиснутые зубы. – И я не нуждаюсь ни в чьей поддержке.

Адамо дернул за лацканы, поправляя пиджак.

– По завещанию Джованни тебе отходят пятьдесят процентов. Как ты понимаешь, Ренцо Риалто будет тебе кем-то вроде наставника. Без него ты не сможешь принимать решения.

Ренцо Риалто. Этот напыщенный, самовлюбленный хорек всю жизнь разыгрывал друга Джованни. Впрочем, в бизнесе он безукоризненно исполнял все его поручения, что есть, то

есть.

Поднявшись с кресла, Рокко медленно прошел к окну. Он засунул руки в карманы брюк и посмотрел в окно, вниз на Виа дела Спига – самую известную улицу в Милане. Отсюда одежда Дома Монделли расходилась как пирожки по пятьсот евро за штуку. Вот он, эпицентр силы и влияния. Отсюда он должен был управлять империей Монделли после смерти Джованни.

«Ты поймешь, почему я сделал то, что сделал...»

Предсмертные слова деда эхом звучали в его голове. Что он имел в виду?

«Верь в себя, Рокко».

Как эти две фразы сочетаются друг с другом?

Злость и обида перемешались в душе Рокко. Он упер в подоконник сжатые кулаки. Неужели Джованни считал, что он может опуститься до уровня Сандро, его отца, и пустить свою жизнь под откос?

Рокко повернулся и бросил взгляд на адвоката:

– Я не такой, как мой отец.

– Конечно, не такой, – согласился Адамо. – Но и ты любишь жить на полную катушку.

Рокко ослабил:

– То, что пишут в прессе, сильно преувеличено.

– Не всё, – покачал головой адвокат. – Не забывай, что я знаю тебя с колыбели, Рокко.

Брови Рокко поползли вверх.

– И что ты мне предлагаешь? Жениться?

– Такой шаг был бы самым правильным. Покажи им, что ты изменился. Женись на одной из своих многочисленных пассий, стань примерным семьянином. Возможно, тебе даже понравится.

Рокко не отводил глаз от адвоката. Неужели он это серьезно? Господи, Рокко прекрасно помнил, что стало с его отцом после смерти жены... Мамы Рокко... Он также прекрасно помнил, что смерть Розы сделала с Джованни... Рокко Монделли не выжил из ума, чтоб желать себе такую же участь. Его семья – это его компания, и на этом точка.

– Я не готов продолжать эту тему, – сухо ответил он. – У тебя есть для меня еще откровения или я могу нанести визит Ренцо Риалто?

Глава 2

Рокко знал, насколько красива Оливия Фицджеральд. Незря когда-то десятки мировых брендов бились за то, чтобы сделать ее лицом своих рекламных кампаний. Загорелое красивое тело в купальнике то и дело манило мужчин с обложек самых популярных глянцевого журналов. Не говоря уже про шелковистые светлые волосы. По неподтвержденным слухам, она застраховала их на несколько миллионов.

Но больше всего Рокко удивила его собственная реакция на знаменитую красотку. Заказав столик в одной из трапезных – «Навиллы» на юго-западе Милана, – он смотрел, как Оливия общается со своими подругами.

Рокко сидел за круглым столиком довольно близко к ним, чтобы слышать ее хриловатый голос.

– Бокал кьянти, пожалуйста, – заказала она.

Ее изящное тело вкупе с сексуальной хрипотцой действовали как мощный афродизиак. Да, он сидел достаточно близко, чтобы оценить ее кошачью грацию, поистине красивые голубые глаза цвета самых красивых озер в Итальянских Альпах.

Конечно, она красавица. И безусловно, она знает, какое впечатление производит на мужчин. Она, несомненно, воспользовалась этим, когда охмурила Джованни и заставила его купить ей роскошные апартаменты за три миллиона евро.

Рокко понимал, что он и сам лишен иммунитета против такой красоты.

Оливия Фицджеральд... Елена Троянская нашего времени.

Теперь она вела уединенную жизнь, но каждый четверг после занятий йогой приходила в это популярное заведение – «Навилы».

Можно назвать настоящей удачей, что владельцем кафе был старый друг семьи Монделли. А значит, здесь можно без проблем получить любой столик. И столь нужную информацию о постоянных посетителях.

Рокко откинулся на спинку кресла, положил ногу на ногу. Три красотки продолжали оживленно беседовать. Нет, все-таки две. Оливия больше молчала, и на ее лице действительно читались следы печали. Каков теперь ее план? Одурманить нового богача и урвать очередной лакомый кусок? Не с этой ли целью она то и дело бросает на него взгляд своих больших голубых глаз?

Кровь закипела в жилах от приступа внезапного гнева. Когда официантка принесла бокал вина, Рокко едва смог выдавить улыбку. Он сделал большой глоток. Наверное, не лучшая идея – охотиться за Оливией Фицджеральд в таком душевном настрое. Встреча с Ренцо Риалто прошла из рук вон плохо. Наглый ублюдок был убежден, что без Джованни Рокко потеряет хватку и пустит бизнес псам под хвост.

– Успокойся, Рокко, – наигранно успокаивал он. – Пока-

жи, что ты готов к такой ответственности. И ты сразу все получишь.

Негромко выругавшись, Рокко резко поставил бокал обратно на стол.

Когда-то члены «Колумбийской четверки» поклялись навсегда остаться холостяками. И впрямь, разве не женщины — источник мужских бед?

Опыт всех вокруг доказывал это.

Когда Рокко в очередной раз бросил взгляд на Оливию, она уже смотрела на него. Ее загорелая кожа способна сбить с толку любого мужчину.

В голове Рокко зарождался план. И ему начинало это нравиться. То, что надо в его мрачном, отчаянном настроении.

* * *

Он смотрел на нее. Он флиртовал с ней.

Оливия изо всех сил старалась сдерживать разбушевавшихся в животе бабочек. Но оставаться безучастной под обжигающим взором чистокровного итальянца было невозможно. Он, несомненно, был самым привлекательным мужчиной, которого она встречала в жизни. А учитывая, что в прошлом ей довелось объездить весь мир с самыми красивыми представителями сильного пола, это что-то да значило.

Зато сама Оливия в этот вечер была одета в простые джинсы, выцветшую футболку и толстовку с расстегнутой до се-

редины молнией. На ней не было косметики, а белоснежные волосы она зачесала в обычный хвост – так, как делала всегда перед йогой. Вряд ли кто-то мог признать в ней успешную некогда топ-модель.

Оливия действительно то и дело смотрела на Рокко. Было в нем что-то до боли знакомое. Широкие скулы, губы красивой формы, волевой подбородок. И этот испепеляющий взгляд темных глаз.

Она нахмурилась. Может, он один из мужчин-моделей, с кем ей приходилось сниматься? Нет, это вряд ли. Такого партнера она бы запомнила.

Виолетта зевнула, закинула волосы за плечо и отпила вина из бокала.

– Мне пора домой, надо учиться. Тем более если вы, – она кивнула в сторону Рокко, – так и будете пялиться друг на друга, то нам здесь делать нечего.

– Просто от Оливии невозможно отвести глаз, – выдохнула София. – В Италии блондинки считаются экзотикой.

– Зато у меня нет такой оливковой кожи, как у тебя, – заметила Оливия.

– Можем поменяться, – усмехнулась София, собирая сумки. – Могу поспорить, что как только мы выйдем, он подсядет к тебе. И еще. Не знаю, в курсе ты или нет, но с тех пор, как он вошел, ты ни разу не посмотрела на других мужчин.

Наверное, это было так. Но причина тому крылась в другом. Она просто скрывала свою новую личность. Боялась,

что люди начнут узнавать ее. А сейчас ей меньше всего хотелось вновь становиться Оливией Фицджеральд.

Впрочем, было и еще кое-что. Действительно, никто из мужчин не заставлял ее пульс биться так быстро. А этому знакомому незнакомцу это удавалось с лихвой.

Виолетта отсчитала несколько евро на чай и положила на стол. София сделала то же самое.

– Вы не можете оставить меня здесь, – запротестовала Оливия.

– Если что, ты знаешь, где нас найти, – парировала Виолетта не без усмешки. – И, честно говоря, Лив, если мы не уйдем сейчас, наш столик воспламенееет от его взгляда.

– А что, если он преступник? – прошептала Оливия.

– Преступник с «ролексом» за двадцать пять тысяч евро? – пробурчала Виолетта ей в ухо. – Это вряд ли. Хорошего вечера, Лив. Жду отчета во всех подробностях.

Оливия знала, что никаких подробностей не будет. Ведь оставаться здесь одна она не собиралась. Сегодня она вышла из дома только для того, чтобы отвлечься от мыслей о Джованни. Ей так его не хватало. Остаться одной, без единственного надежного человека в ее новой жизни, было поистине тяжело. Последний год Джованни был ее наставником. Они вместе работали над созданием ее коллекции одежды. И теперь, когда девушки немного подняли ей настроение, пришло время уходить.

София и Виолетта уже шагали к метро. Оливия перебира-

ла сумку в поисках кошелька. Его содержимое вновь напомнило, в каком отчаянном положении она оказалась. Новая работа в кафе приносила какие-то деньги, но их не хватало даже на то, чтобы оплачивать маленькую квартирку. Не говоря уже про апартаменты, что подарил ей Джованни.

Закусив нижнюю губу, она отсчитывала мелочь на чаевые, когда на столик упала чья-то тень. Взгляд Оливии скользнул вниз, и она увидела безупречно чистые блестящие ботинки.

Она резко подняла голову.

– *Ciao*, – поздоровался незнакомец.

Вблизи он был еще красивее. Его темно-карие глаза в огне свечей отдавали нежным янтарем. Он высок. Не меньше метра девяносто. Хорошо сложен. Куда более атлетичен, чем большинство итальянцев, встречавшихся ей на улице.

– Позвольте присесть? – спросил он на безупречном английском, воспользовавшись ее временной неспособностью говорить.

– Вообще-то я... – Оливия запнулась. – Я уже уйду.

– Уверен, десять минут погоды не сделают. Выпьем еще по бокалу? – Он одарил ее широкой улыбкой. А она вновь обратила внимание на его идеальной формы губы. – Признаться, я недолго восхищался атмосферой заведения, поскольку вы восхитили меня куда сильнее.

Грудь Оливии горела, и этот огонь моментально передался на щеки. В столь уязвимом положении нужные слова отказывались сходить с губ. А учитывая привлекательность со-

беседника...

И все же она взяла себя в руки.

– Я действительно спешу. Уже поздно.

– Вам действительно нужно остаться, – возразил незнакомец, ни на секунду не отводя от нее своих глубоких карих глаз. – В Италии девять часов – детское время. Я прошу лишь один бокал, не больше.

Наверное, он просто преградил ей дорогу своим крепким телом. Или она сама слишком сильно желала ответить «да», потому что вдруг поняла, что утвердительно кивает. В следующее мгновение, так же неожиданно для самой себя, она жестом указала ему на стул напротив.

– Прошу.

Стул под столь крупным собеседником казался особенно хрупким. В ту же секунду возле гостя оказалась официантка. На беглом итальянском гость заказал два бокала кьянти, не забыв одарить девушку широкой улыбкой.

– Вы здесь завсегдатай? – спросила Оливия. Слишком раскрепощенно вел себя новый знакомый.

– Кафе принадлежит старому другу моей семьи. – Слова лились из его уст как шелк, когда он наклонился над столиком и протянул ей руку. – Тони.

– Лив.

Она позволила ему пожать себе руку. Тот факт, что он ее не узнал, снял с Оливии заметное напряжение.

– Лив, – повторил гость, как будто пробуя ее имя на вкус.

После чего откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди. – Ваши подруги ушли так внезапно. Надеюсь, не я их спугнул?

Губы Оливии сложились в улыбку.

– Вы же намеренно их спугнули.

Теперь улыбнулся и он:

– Вот это мне нравится в американцах. Прямота. Это, знаете ли, приводит в чувство.

– Узнали нью-йоркский акцент?

– Безошибочно. Я жил там четыре года, когда учился в университете.

Вот почему у него идеальный английский. На этот раз Оливия одарила его долгим, пристальным взглядом.

– Раз уж вам нравится прямота, то скажите, что вы здесь делаете один, без прекрасной спутницы? При этом просите совершенно незнакомую женщину разделить с вами бокал вина.

Его взгляд выразил нечто странное, что Оливия не смогла распознать. Затем этот взгляд скользнул на чашу с водой, где отражался огонь стоящей в ней свечи.

– Я искал уединения. А в нем – ответы на некоторые вопросы.

Это интриговало.

– Успешно?

Губы собеседника дрогнули.

– Возможно.

Его испытующий взгляд проникал под кожу. Казалось, он никуда не торопится, словно само время подчиняется ему.

– И что вы здесь делаете, прекрасная Лив?

Оливию не покидало чувство, будто она послушно следует за ним, куда ему нужно.

– Я дизайнер, – ответила Оливия. – И сейчас работаю над своей дебютной коллекцией.

Брови собеседника вздернулись вверх.

– Вы уже сотрудничаете с каким-то домом моды?

– Планирую.

– Вы обучались дизайну?

– Да, в Нью-Йорке.

Он удивился:

– Тогда почему вы не начали карьеру там?

Потому что она бежала от прошлого, в которое не хотела возвращаться ни под каким предлогом.

– Мне были нужны перемены, – объяснила Оливия. – Что-то новое.

– Милан определенно лучший выбор для молодого дизайнера. – Он улыбнулся официантке, принесшей напитки. А когда та удалилась, поднял бокал: – За наше знакомство.

Держа бокал дрожащей рукой, Оливия чокнулась с новым знакомым:

– И за нахождение ответов, – добавила она.

Губы собеседника изогнулись в легкой обворожительной улыбке.

– Возможно, встреча с вами поможет мне их найти.

Все внутри Оливии словно перевернулось от этих слов. Отпив кьянти, она поняла, что вино куда качественнее предыдущего, и сделала еще несколько глотков. Как-никак алкоголь придает смелости, а сейчас ей только это и требовалось.

Вино подействовало моментально. Почувствовав приятную легкость, Оливия села поудобнее.

– Итак, – сказала она чуть громче, чем хотела, – вы знаете, чем я занимаюсь. Теперь ваша очередь исповедоваться.

Прежде чем ответить, собеседник несколько секунд испытующе смотрел на нее.

– Я вкладываю деньги, – ответил он наконец. – Гарантирую прибыль компании.

– Сдается мне, у вас это хорошо получается.

– Так же как у вас получается дизайн, в чем я абсолютно уверен.

Оливия не знала, был ли сарказм в его словах. Что, если он все-таки узнал ее? Или странные нотки в его голосе были продолжением флирта?

От этого никак не легче. С тех пор как жизнь надолго связала ее с фотографом Гуиллермо Виллануэвой, она забыла, что значит флиртовать. Уже год прошел, как они расстались, а флирт по-прежнему оставался чем-то забытым в прошлой жизни.

– Вы уже ужинали? – спросил новый знакомый, когда их

взгляды снова встретились.

– Я хотела поужинать дома.

Он взял меню, просканировал его взглядом. Не советуясь с ней, он заказал блюдо из закусок. Удивительно, но это ее завело – если не сказать «возбудило». Странно для женщины, так сильно ценящей свою свободу и независимость. Впрочем, в этом мужчине ее заводило все. Возбуждение и интерес усиливались, когда они принялись говорить обо всем на свете – начиная с французских и американских политиков и заканчивая книгами и музыкой. Было слишком очевидно, что ее собеседник обладает интеллектом, высоко превосходящим среднестатистический. А заодно – изысканным вкусом и удивительно широким кругозором.

– Почему Колумбия? – спросила Оливия, отправляя в рот последний кусочек брускетты. – Ваша семья из Америки?

Он отрицательно покачал головой:

– Как и вам, мне были нужны перемены. Хотелось расправить крылья. А куда податься молодому амбициозному финансисту, как не в Нью-Йорк?

– Значит, вы финансовый гений? Многомиллионные сделки и все такое?

Его глаза блеснули странным огнем.

– Гениальность – вопрос спорный. А вот сделки и впрямь бывают очень крупными.

Оливия снова поймала себя на том, что смотрит на его губы. Невероятно красивая форма губ для мужчины. Инте-

ресно, как он целуется? Что нужно сделать, чтобы это проверить? О боже.

Она отставила пустой бокал. Получилось резче, чем ей хотелось.

Собеседник склонился над столом:

– Еще вина?

Оливия выставила ладони вперед:

– Нет-нет, спасибо. Мне пора домой. Завтра у меня напряженный день.

– Я отвезу вас, – сказал он, жестом подзывая официантку.

Ей хотелось, чтобы было именно так. Она ждала, что он предложит отвезти ее домой, потому что это могло сулить поцелуй. Но такие мысли пахнут безумием. Она его совсем не знает. Может, перед ней преступник. Гений не финансового, а преступного мира в дорогих туфлях и с «ролексом» на запястье.

Словно разгадав ее сомнения, новый знакомый поднял взгляд на подошедшую официантку и, протягивая ей кредитную карту, произнес:

– Сесилия, я хочу проводить эту девушку домой. Но она меня боится.

Официантка широко улыбнулась:

– Поезжайте смело. Это очень уважаемый человек и к тому же большой друг нашего хозяина.

От этих слов на душе как будто стало легче. Оливия встала, взяла сумки и ощутила его руку у себя на талии. Так они

прошли по заполненному до отказа заведению. Рука на талии, казалось, посылает в ее тело электрические разряды. Пройдя несколько метров от выхода, они подошли к невероятно дорогому желтому монстру, припаркованному у бордюра. Это была его машина.

Уверенной рукой он помог ей залезть внутрь. Сердце Оливии едва не выпрыгнуло из груди, когда впереди пугающе взревел мощный мотор. Невольно прижимая ладонь ко рту, она показывала ему дорогу. Оливия не помнила, когда последний раз ощущала себя настолько живой. Весь прошлый год ушел на поиски себя. А еще – на борьбу с приступами тревоги и болью.

Так удалось ли ей найти себя? Ответа на этот вопрос не было.

Новый знакомый уверенно держал руль сильными руками, направляя мощный автомобиль в аристократичный район, соединяющий Корсо Венеция и Виа Палестро. Здесь уже больше года находилось то место, которое Оливия называла домом. Ее до сих пор будоражили эти восхитительные образчики барокко и неоклассической архитектуры. Каждый день, выпивая кофе у окна и любясь сказочным дворцом старинной эпохи, она не верила своим глазам. Теперь она живет здесь, в самом фешенебельном квартале столицы моды.

Когда Джованни впервые привел ее сюда, она в ту же секунду влюбилась в эти кованые железные балконы и окна во всю стену. После того как Нью-Йорк стал для нее тюрьмой,

Милан снова даровал потерянную свободу.

Именно тогда она поняла, что сдаваться рано. Еще есть смысл жить.

Приятные мысли прервал новый знакомый, остановивший машину в пункте назначения.

– Я провожу вас до двери, – сказал он тоном не терпящим возражений.

И без того учащенное сердцебиение Оливии ускорилось втрое. Она прекрасно знала, чем закончится их совместный подъем в ее квартиру. Для женщины, которая никогда не приглашала к себе мужчин на первом свидании, это походило на американские горки, обещающие одновременно ужас и удовольствие.

Во рту Оливии пересохло. Понимая, что от нее ждут ответ, она робко кивнула.

– Парковка на нулевом этаже, – указала она пальцем на въезд с боковой стороны дома.

Машина въехала в ворота и остановилась на парковочном месте Оливии. После чего оба проследовали к стеклянному лифту и поднялись на десятый этаж.

– Дороговатое место для начинающего дизайнера, – заметил собеседник, опираясь плечом на стенку лифта.

Оливия прижала влажные ладони к бедрам.

– Друг помог мне в сложной ситуации.

Рокко поднял одну бровь:

– Друг?

– Да, друг, – повторила Оливия. – Не жених, – добавила она, словно оправдываясь перед вопросительным взглядом нового знакомого. Но никакие оправдания не могли утихомирить внутреннюю дрожь.

Собеседник ухмыльнулся:

– Простые друзья не дарят простым подругам многомиллионные апартаменты, Лив.

Намек, скрытый в этих словах, заставил ее гордо вздернуть подбородок.

– Это был хороший друг, – произнесла она, стараясь придать весомость каждому слову.

Двери лифта открылись, и Оливия пошла по коридору к своей квартире. Мысли в голове сменяли друг друга в бесконечном хороводе, делая невозможным выбрать и озвучить одну из них. И все же было необходимо сказать хоть что-то. Особенно когда собеседник поравнялся с ней у двери.

Когда их взгляды встретились, Оливия почувствовала мощный удар изнутри.

– Вы совсем меня не знаете, – сказала она первое, что пришло в голову.

– Я сам виноват, – лаконично ответил новый знакомый. – Я почти не задавал вам вопросов.

Действительно, почему? Они просто выпили вина за разговором. Голова шла кругом оттого, как этот прекрасный незнакомец перевернул весь ее вечер с ног на голову. Она стояла перед ним, слыша биение собственного сердца. В ка-

кой-то момент собеседник уперся рукой в стену за ее спиной, сократив расстояние между ними до нескольких сантиметров. Оливия чувствовала на себе его испепеляющий взгляд. В одно мгновение в животе затянулся тугой узел.

И вновь этот странный огонек в его глазах.

– Не хочешь пригласить меня на чашечку эспresso?

Ноги Оливии подкосились.

– Я не знаю, – честно призналась она.

Собеседник придвинулся ближе – так, что теперь расстояние между ними практически исчезло. Пристально глядя на ее губы, он обхватил пальцами ее подбородок. То, о чем она мечтала последние два часа, теперь пугало сильнее любого кошмара. Его губы были так близко. Она боялась и хотела этого. И он, казалось, прекрасно это понимал.

Он наклонил голову и прильнул губами к ее губам. Нежно и осторожно – используя ровно столько давления, сколько требовалось, чтобы не спугнуть ее. И да, эти губы были восхитительны. Она прижалась ладонями к его мускулистой груди, когда он резким, но аккуратным движением прижал ее к стене. Он все делал так умело, буквально не оставляя ей шансов на сопротивление. Оливии оставалось лишь безропотно подчиняться его уверенному наступлению.

Его жадный язык стремился проникнуть все глубже и глубже ей в рот. А Оливия лишь послушно открывала его шире. Их языки скользили друг по другу в эротической дуэли, а ее ноги уже отказывались держать ее вес. Она впивалась

пальцами в его грудь, вдыхала в себя его аромат, невольно запоминая запах его тела. Жажда власти и нежность сочтались в нем идеально, и Оливия уже ощущала себя безвозвратно потерянной.

Он отдернул голову назад, жадно всмотрелся в ее глаза.

– Ключ, – раздался его приглушенный хриплый голос.

Разум не хотел подчиняться приказам. Но кровь билась в виски тяжелым потоком, в голове – ничего, кроме тумана. Послушной рукой Оливия вытащила из сумочки ключи и передала ему.

Рокко понимал, что разгадывать шарады более не было смысла. Очевидно, что Оливия Фицджеральд готова пасть в объятия любого мужчины в дорогих часах и на роскошной машине – особенно если он поможет решить ее проблемы. Как бы убедительно она ни разыгрывала свою хрупкую уязвимость, это было лишь хорошо отрепетированной сценкой.

Но мужской инстинкт Рокко жаждал продолжения. Да, ему хотелось узнать, насколько далеко она позволит ему зайти.

Он швырнул ключи на столик у входной двери, увидел, как ее ровные белые зубы прикусили пухлую нижнюю губу.

– На самом деле я не хочу кофе, – сказал Рокко, глядя в ее расширенные зрачки. – Не против, если мы пропустим эту стадию?

Оливия молча кивнула, продолжая покусывать губу. Он

сократил расстояние между ними, чувствуя разгорающийся в груди огонь. Вожделение пронзило все его тело. Он тяжело сглотнул и положил ладони ей на грудь, прижимая ее обратно к двери. Ему самому было удивительно, насколько сильным было это желание. Учитывая, кем она была. Не говоря уже про историю с его бабушкой. Но в конце концов, это был единственный способ выудить у Оливии Фицджеральд всю правду.

И все же она и впрямь была чертовски хороша.

Ее смуглые щеки, загоревшие под жарким миланским солнцем, румянились от желания. Ее грудь вздымалась под фиолетовой футболкой, а возбужденные соски отчетливо проступали сквозь мягкую ткань. Она держала руки по бокам, словно не зная, что с ними делать.

Зато он знал. Он хотел, чтобы эти руки сейчас скользили по его телу. Трогали каждый миллиметр его горячей кожи. Что бы ни случилось, сегодня Оливия Фицджеральд будет принадлежать ему.

О боже!

Это чистое безумие.

Он просунул руки ей под футболку, ощутил ее мягкую шелковистую кожу. Такая женщина легко может склонить к сумасшествию любого мужчину. Даже его всегда правильно бабушку Джованни, который ни разу не взглянул на других женщин после смерти Розы. Резкий, пылкий вздох Оливии отдался эхом в тихой квартире, когда он провел ладонью

по ее животу вверх, к груди. Рокко чувствовал, как мышцы ее пресса напряглись от этого прикосновения. Оливия вжалась головой в дверь, яркие голубые глаза горели в предвкушении поцелуя.

– Ты можешь поставить на колени даже самого сильного мужчину, – прохрипел Рокко, почти злобно, перед тем как прижаться губами к ее губам. – Но ты это знаешь и без меня, не так ли, Лив?

Оливия слегка нахмурила брови, отпрянув от него, чтобы ответить. Но он ей не позволил. В ту же секунду их губы снова сомкнулись в страстном поцелуе. Теперь Рокко чувствовал напряжение в ее теле, словно Оливия мучилась в сомнениях. Он втянул в свой рот ее язык, крепко схватил за ягодицы.

В следующее мгновение он скинул с ее плеч куртку и отбросил в сторону.

– Подними руки.

Оливия снова повиновалась, и легкая футболка поползла вверх по ее телу, чтобы вскоре оказаться на полу рядом с курткой.

Она была худой и идеально сложенной. Упругая грудь увенчана возбужденными розовыми сосками. Даже в Эдемском саду Рокко не устоял бы перед искушением дотронуться до них.

Он нагнулся, взял ее грудь в ладони, обхватил губами торчащий между пальцев сосок. Чуть слышный, короткий стон

Оливии заставил его кровь вскипеть. Он покусывал ее сосок, целовал его и всасывал в себя, и теперь она стонала уже громче и протяжнее, не стесняясь. Рокко перешел ко второму соску. Вкус ее плоти как запретный плод. Устоять было невозможно.

Он приподнялся, скользнул бедром между ее ног.

– Тони, – простонала Оливия над его ухом.

Всего одно слово. Сколько исступления было в том, как она его произнесла. Это была интонация женщины, готовой отдаться. Однако для Рокко это имя прозвучало как гром.

Он поднял голову, положил руки ей на талию и сделал полшага назад.

– Меня зовут Рокко.

Глаза Оливии потемнели и округлились. Она нахмурилась и машинально прикрыла руками голую грудь.

– Рокко? Почему же ты представился чужим...

Она не договорила и мгновенно побледнела.

– Да, Лив, – прохрипел он, наслаждаясь паническим ужасом в ее глазах. – Я Рокко Монделли. А теперь скажи, каково это – подцепить сразу два поколения мужчин из нашей семьи?

Смятение Оливии было неподдельным. Не сводя с него глаз, она закачала головой:

– О чем ты говоришь? Наши отношения с Джованни были другими.

– Какими же? – холодно спросил Рокко. – Будешь убеж-

дать меня, что мой дед купил тебе квартиру за три миллиона евро просто по доброте душевной? Просто как подруге? Он никогда не упоминал тебя в разговоре, ни разу не заговорил о тебе ни с кем из нас. Ты не находишь это странным?

– Потому что я просила его. Я не хотела, чтобы хоть кто-то знал о том, что я здесь. – С этими словами Оливия подняла с пола футболку и надела ее. – Джованни вошел в мое положение. Он был мне кем-то вроде наставника. Но в первую очередь другом. Мы не были любовниками. Как тебе такое могло прийти в голову?

Рокко овладел гнев. Он стремительно подошел к ней – так близко, что они едва не касались носами.

– Никогда не поверю, что ты не использовала такой шанс. Оливия ожидала любого развития событий, но только не такого.

– Ты сволочь, – процедила она, глядя на Рокко глазами защищающейся кошки. – Как смеешь обвинять меня в том, о чем не имеешь представления?

– Почему ты прячешься от людей? И если то, что ты сказала про коллекцию, – правда, то почему ты не используешь свое настоящее имя?

– Я не врала про коллекцию, – выпалила Оливия. – Все, что я сказала тебе сегодня, – правда. Да, я бежала от мира, от знакомых, от всего.

– Может быть, от кредиторов?
Она указала рукой на дверь:

– Вон из моей квартиры.

– Почему Джованни, Оливия? Почему семидесятилетний любовник, ведь ты могла выбрать кого угодно? Самые богатые мужчины планеты отдали бы все, чтоб просыпаться с тобой в одной постели.

Пальцы Оливии сжались в кулаки.

– Ты не представляешь, как ошибаешься.

– Тогда почему Джованни давал тебе наличку? Причем на регулярной основе.

Оливия закрыла глаза. Последовали долгие секунды абсолютной тишины.

– Мы вместе работали над коллекцией, – сказала она наконец. – Деньги уходили поставщикам тканей.

Рокко посмотрел на нее с недоверием.

– Я стою во главе Дома Монделли, Оливия. Все проекты Джованни мне прекрасно известны. Коллекции, о которой ты говоришь, не существует.

Она обошла его и направилась вдоль коридора. Рокко пошел за ней. Оливия включила свет в большой просторной комнате, на стене которой висели десятки эскизов. Здесь же на столике стояла швейная машинка.

Рокко подошел ближе, всмотрелся в чертежи. Даже не будучи творческим человеком, он понял, что некоторые из них уникальны. В них все было оригинально, не похоже на то, что традиционно предлагал рынок. Да, в них была свобода мысли. Не избитый подход к ткани и цвету. Впрочем, только

далекий от Дома Монделли человек мог не разглядеть в них столь любимую Джованни симметрию.

Чувства, что испытывал Рокко, сложно описать.

– Это ничего не доказывает, – уверенно сказал он. – Взять хотя бы сегодняшний вечер. Ты пила вино с незнакомцем. У него дорогие часы и костюм. По всему видно, что его можно использовать для воплощения своих амбиций. – Оливия хотела что-то сказать, но Рокко ее перебил: – Я все понимаю, дорогая моя. Но прошла всего неделя со смерти Джованни!

Бледность Оливии приняла сероватый оттенок.

– Для этого ты разыграл весь сегодняшний спектакль? Чтобы удостовериться, что я охотница на богатых стариков?

– А разве не так? – ухмыльнулся Рокко. – Я видел, как беззаботно ты смеялась со своими подружками. Как будто твой друг не умер неделю назад.

Оливия гордо вскинула голову:

– Я встретила с ними, чтобы отвлечься от этих мыслей. Что бы ты ни думал, я скорблю о его смерти. Он был мне дорог как друг. И я не позволю тебе оскорблений в том, что касается меня и Джованни.

– Так будь честна! – воскликнул Рокко. – Расскажи, как все было на самом деле.

Она глубоко вздохнула. Убрала локоны волос с лица.

– Твой дедушка любил двух женщин. Сильно, безумно любил двух разных женщин. Одной из них была моя мама, Татум.

Глаза Рокко округлились.

– Ты это с ходу придумываешь?

– В восьмидесятых моя мама работала моделью в Доме Монделли. У них с Джованни был роман. Тогда он буквально разрывался между ней и Розой. В конечном итоге он выбрал Розу и порвал все отношения с мамой. Роза знала про их отношения, но ни она, ни Джованни не упоминали их впоследствии.

Рокко не мог в это поверить. Джованни, влюбленный в Татум Фицджеральд? Нет, ведь всем известно, что он любил только бабушку. Они зачали Сандро, когда им было по восемнадцать лет, и с тех пор оставались для всех любящей друг друга парой вплоть до смерти Розы.

– Откуда ты все это знаешь? – спросил Рокко.

Он видел на щеке Оливии пульсирующий нерв.

– Моя карьера в модельном бизнесе была не такой простой, – ответила она после долгой паузы. – Джованни появился в моей жизни в очень сложный период. Это случилось еще в Нью-Йорке. Было видно, что после истории с мамой он чувствует себя виноватым. Да, моя мама вышла замуж за отца, но ее единственной любовью всегда оставался Джованни. Так что с отцом они быстро развелись. В вечер нашего знакомства Джованни рассказал мне все.

Рокко понимал, что придумать такое с ходу невозможно. Но все же отказывался верить.

– И поэтому он решил стать тебе другом? И купить апар-

таменты в самом престижном районе Милана? Просто из-за чувства вины в том, что случилось почти тридцать лет назад?

Оливия гордо вскинула голову.

– Он знал, что мне нужен кто-то. Друг, на которого я могу рассчитывать. И он стал мне этим другом.

– А других друзей у тебя не было? Что насчет собственной семьи?

– У меня не было никого, к кому я могла бы обратиться. – На этих словах она опустила глаза в пол. – Приехав в Милан, я навсегда распрощалась с прошлой жизнью.

Рокко отвел взгляд от ее лица и подошел к окну.

– Значит, Джованни был тебе другом. Сегодня ты пришла в кафе, чтобы развеяться. И заодно решила охмурить нового богача?

Глаза Оливии вспыхнули.

– Вон из моей квартиры.

Как ни странно, но Рокко был готов уйти. Слишком много информации обрушилось на него за последние пять минут, и он был не в состоянии объективно ее обработать.

– Даю тебе месяц, – сказал он. – Через месяц ты должна отдать мне ключи.

Оливия прошла за ним до двери. Он вышел и пошел по коридору, ни разу не оглянувшись.

Никакого сходства с романтическим Джованни.

И слава богу.

Глава 3

Рокко стоял на трапе самолета в миланском аэропорту Линатэ рядом с Кристианом Маркосом. Последние двое из «Колумбийской четверки» возвращались с похорон Джованни. Кристиан отправлялся в Гонконг на переговоры, не требующие отлагательств.

Как всегда, прощаясь с друзьями, Рокко чувствовал пустоту в душе. Они стали так близки за те четыре года в Колумбии. Всего четыре года, а все четверо превратились из мальчишек в настоящих мужчин. И все четверо были готовы бросить вызов всему миру.

Он посмотрел на Кристиана:

– На похоронах была Оливия Фицджеральд. Я не видел ее в списке приглашенных.

Кристиан округлил глаза:

– Фотомодель? Я думал, ее специально пригласили. Тебе-то какая разница?

– Все не так просто, – ответил Рокко.

– У тебя всегда все сложно, – развел руками Кристиан. – Вместо того чтобы воспользоваться шансом и подписать с ней контракт, ты жалуешься. Совет директоров тебя бы расцеловал за это.

– Сейчас она избегает лишнего внимания.

Кристиан ухмыльнулся:

– На столе моего босса стоит ее фото в голом виде на пляже. Он говорит, что это вдохновляет во время сложных переговоров.

– Не сомневаюсь, – буркнул Рокко. Уж он-то был в этом абсолютно уверен.

Еще через минуту включились двигатели частного самолета Кристиана.

– Мои соболезнования насчет Джованни, – сказал он, обнимая Рокко. – Я знаю, как он был тебе дорог. И представляю, как тяжело тебе было общаться сегодня с отцом.

– Это неизбежно, – пожал плечами Рокко. Впрочем, Кристиан и Зайед с легкостью увели отца Рокко с процессии. – Прости, что и тебя пришлось в это втянуть.

– Каждый из нас несет свой крест, – спокойно ответил друг. – Но ты часто взваливаешь на свои плечи слишком много.

Рокко кивнул. Он так долго нес бремя проблем своей семьи, что успел забыть, как бывает иначе.

– Ступай, – сказал он, хлопая друга по плечу. – Моя яхта и дело Перони ждут тебя.

Кристиан кивнул в ответ и направился к самолету. Рокко смотрел ему вслед, пока экипаж не закрыл за ним дверь.

Даже со всеми навалившимися событиями он постоянно думал о том вечере с Оливией. Ее слова о Джованни продолжали отдаваться эхом в голове. Был ли в них хотя бы намек на правду. Или дедушка все же изменял своей возлюблен-

ной Розе? Несомненно, слабый пол продолжал волновать его и после смерти супруги. Но это нормально. Джованни был творческим человеком, дизайнером.

И все же, мог ли он влюбиться в Оливию Фицджеральд? Обладала ли Оливия хоть какими-то из тех качеств, что так ценил Джованни в своей жене?

От следующей мысли неприятно заурчало в животе. То, что Джованни и Оливия работали над совместной коллекцией, однозначно свидетельствовало об их связи.

Но даже если так, какое ему дело? Что с того, что его девушка влюбился в фотомоделю втрое моложе себя? Да, возможно, Джованни позволил ей себя одурачить. Но это не значит, что после его смерти Оливия будет иметь хоть какое-то влияние на семью Монделли. Уж чего-чего, а такого развития событий Рокко не допустит.

Внезапно он вспомнил увиденную сегодня картину – Оливию, входящую в церковь, в черном платке. Казалось, она испугалась, увидев внутри его. Но как ярко блестели ее глаза, когда она стояла там, посреди толпы.

Нет смысла скрывать – Оливия Фицджеральд была настоящей красоткой. Рокко прекрасно понимал, что и его тянет к ней как к женщине. И это пугало. Он знал, что она еще не выехала из квартиры – начальник охраны жилого комплекса сообщал Рокко о ее присутствии. Вероятно, ей не так просто найти новое жилье. Особенно после смерти своего спонсора. Но эта проблема никак не касалась Рокко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.